

СОВЕТСКИЕ БОМБАРДИРОВЩИКИ НАД ГЕРМАНИЕЙ

В ночь на 27 августа советские самолеты бомбардировали военно-промышленные объекты фашистской Германии. Первым над Берлином появился самолет Героя Советского Союза гвардии капитана Александра Молодого.

Полет над Берлином был самым трудным в лётной биографии героя. Он готовился к нему тщательно и продуманно. В рейдах на ближние и дальние цели летчик приобрел большой опыт, его мастерство совершенствовалось, закалялся характер.

И вот наступила эта долгожданная ночь. До вылета оставалось не больше часа. Молодой сидел под просторно закрытыми дверями самолета, подготовленного к старту.

— Далеко, Серега, до Берлина, — сказал он влётчику своему штурману Булякову. — Очень далеко! Но ты знаешь, мне сейчас пришла такая мысль: вот если подойти к любому человеку, первому, кого встретишь, и предложить ему лететь бомбить Берлин, — он немедленно и с радостью согласится.

Скорее самолет поднялся в воздух. Сразу же за спиной фронту печалась непогода. Гроза — это тяжелое испытание для летчика. Нелегко пробить тучи толщиной до 3—5 километров. Молодой решил пробыть выше, набрал высоту. Сверху шел снег.

В такой «стуже», как говорят летчики, когда не видно ни звезд, ни земли, ни ориентиров, — Молодой шел около двух часов. Погода постепенно ухудшалась. Тучи переходили в облачность, в разрывах нередко виднелись звезды. А когда позади остались сотни километров, погода стала почти ясной. Это затрудняло подход к цели. Самые лучшие условия для вылета на такой хорошо защищенный объект, как Берлин, — облачность с большими разрывами. Выйдешь в «овед» неожиданно, прицельно отобьешься и снова спросишь в облаках об ориентировках и зенитках. Но сегодня совсем ясно. Видны речка Одер, озера, каналы, заметны сходящиеся к Берлину железнодорожные магистрали и автострады. Несмотря на то, что погода облачная, наблюдение, заметив обнаружил наш самолет с запада. Зенитки начали стрелять тогда, когда до цели оставалось всего 40 километров. Заградительный огонь немцы открыли не успев, и сейчас велась беспорядочная стрельба. Отлично «считывались» нашу авиацию, летавшую на Дании и Кенигсберге, зенитки из банкетного дома Гитлера и Бюловых.

По закарпатскому на земле было неспокойно. И в те минуты, когда самолет уже находился на сравнительно небольшой высоте над центральной частью города, его окружало море огня. Орудия разных калибров изрыгали пламя. Десятки прожекторов скрещивали свои лучи, нацеливались самолет в воздухе.

По ишатаю огонь не мог помешать советским летчикам спокойно и твердо выдержать боевой курс. Все их чувства, все мысли в эти секунды были вместе со всем советским народом, вместе с великим Сталиным, посылавшим их в бой. Одно лишь соображение, что под крылом самолета — Берлин, город-спрут, противушный своей грозной лапы во всей Европе, его родные бредовые, захватывающие планы Гитлера, — делало наших людей еще более бесстрашными, еще более настойчивыми и упорными.

Первые два крупных пожара из девяти, возникших в Берлине, вызвал экипаж Молодого. Их бойцы легли в указанные заданием военно-промышленные объекты города и отражали зарево пожара. Но вот все бойцы сброшены. Вслед за ними полетели дивоманы.

Зенитный огонь становился все более мощным, грозы закрылись выходы из города. Машина, освободившись от груза, идет быстрее. Радостное чувство выполненного долга наполняет сердца летчиков. Они оправдали доверие родины.

Им хочется поделиться этим чувством сейчас же, немедленно. Радист Панфилов передает на командный пункт радиотелеграмму о том, что задание выполнено.

— Давайте пошлем телеграмму товарищу Сталину, — говорит штурман Сергей Буляков.

И над самым Берлином, в сфере зенитного огня противника, раздаются слова, идущие от самого сердца.

— Лиши, — говорит Молодой радисту: — Москва, товарищу Сталину. Находясь над Берлингом, заданию выполнено...

— Возвращаемся на свой аэродром, — добавляет Панфилов.

— Готовы выполнить любое новое задание, — заключивает Буляков.

Самолет дождется на обратный курс. Он пролетит мимо больших городов, над которыми побывали сегодня наши летчики. Вот город Н. Его в этот момент бомбит три экипажа. Видны зарывы в районе военно-промышленных объектов. Огромный пожар заметен еще долго после того, как уже скрылся очертания города. Внизу проносится другой город, завод которого опухает пламенем, третий...

Песамнто идет время и расстояние, и вот все самолеты садятся на свой аэродром.

Самолет побоялся по земле, покрывая посадочные метры дальнего пути. И когда отключались винты и отключались колеса кабины летчика, полагавшее совсем молодое лицо с чуть вывалившимися вперед губами и уставшими, глубоко врезанными глазами. Летчик сидел без плаща, его лоб был влажен. Он вышел из кабины, четким, строгим шагом подошел к командиру и доложил:

— Экипаж гвардии капитана Молодого задание выполнил. Бомбили Берлин.

Он стоял на аэродроме возле своей машины. Его обступили друзья. Они поздравляли его, смотрели и завязывали за человека.

Действующая армия. Советские бомбардировщики в боевом полете. Фото Д. Чернова (ТАСС).

ОТСТОИМ!

Из тумана встает
Восемнадцатый год —
Здесь, на стыке великих дорог,
Был врагом с трех сторон,
Словно смерть, занесен
Над Царным Белым Клином.
Сталин силы собрал
И врага отогнал,
И братские севры разбил.
Иными время опять
Сталинград отстоял
От фашистских разбойничьих сил.
Как в далекие годы,
Над нами горят
Крылья красных советских знамен:
Отстоим Сталинград!
Отстоим Сталинград!
Из сердец непреклонен
Заслони!

Из сердец непреклонен
Заслони!
И Москва, и Киев
Иные смотрят на нас,
И глаза их надежды полны,
У реки у степной
Поднялись мы стеной
На защиту любимой
Страны,
Знабо воет беда,
Знабо раутся сюда
Вражи танки по русским
Полям,
Не позволим им, друг,
Наши Север и Юг
Разорвать, разрубить пополам.
Минус пуля, граната,
В тую серу немецких
Колод,
Отстоим Сталинград!
Отстоим Сталинград!
Из сердец непреклонен
Заслони!

Красноармеец Иванов подбил два танка

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 27 августа. (По телеграфу). Разведка сообщила, что немцы готовятся к атаке. Бойцы этой части получили приказ во что бы ни стало отстоять свой рубеж. Перед боем красноармеец Федор Степанович Иванов, выдвинувшись вперед, вырыл глубокий окоп вокруг толстой сосны. Такой окоп оказался очень удобным: Иванов мог во весь рост перебраться по окопу, выбирать хорошую позицию для стрельбы.

Во время разгрома немцы по позиции, занятую Ивановым, надвинулись немецкий средний танк. Воин не дрогнул. Подпустил танк на 15 шагов, он бросил в него бутылку с горючей жидкостью. Танк запылал. Из люка начали выскакивать фашисты. Выстрелом из винтовки Иванов уложил одного из них, остальные успели скрыться.

Лесная отомстить смежному бою, на Иваново ринулся второй немецкий танк. Толстая сосна и глубокий окоп спасали бойца от пулеметного огня танка. Когда вражеская машина подошла ближе, Иванов бросил противотанковую гранату. Танк замер на месте.

НА КАТЕРЕ СКВОЗЬ ВРАЖЕСКИЙ ОГОНЬ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ, 27 августа. (Спец. воен. корр. «Правды»). Группы катеров Краснознаменного Балтийского флота поддерживала операцию некоторых частей Ленинградского фронта. На одном участке противник прервал связь группы наших бойцов с основными силами.

Нужно было немедленно доставить подразделение боеприпасов и продовольствия. Выполнение этой задачи поручили командиру катера воисомолду Рыбченко.

Погрузку провели быстро. Катер полным ходом ринулся к цели. Перед моряками встали две огневые засады.

— Полный вперед! — приказал Рыбченко и ушел маневрировать, прорвавшись сквозь опасную зону.

Вот и берег. Но проплывшие споза обрушился на хвостовую часть минометного и пулеметного огня. Ничего не остановило моряков. Боевой груз был выгружен и доставлен подразделению.

Бойцы удержали выгодный рубеж.

В Народном Комиссариате Обороны

О преобразовании 17 казачьего кавалерийского корпуса, 12 кубанской казачьей кавалерийской дивизии, 13 кубанской казачьей кавалерийской дивизии, 15 донской казачьей кавалерийской дивизии, 116 донской казачьей кавалерийской дивизии, 149 минометного полка, 267 отдельного конно-артиллерийского дивизиона, 27 отдельного дивизиона связи в Гвардейские части

- В боях за нашу Советскую Родину против немецких захватчиков 17 казачий кавалерийский корпус, 12 кубанская казачья кавалерийская дивизия, 13 кубанская казачья кавалерийская дивизия, 15 донская казачья кавалерийская дивизия, 116 донская казачья кавалерийская дивизия, 149 минометный полк, 267 отдельный конно-артиллерийский дивизион и 27 отдельный дивизион связи показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности.
 - Ведя непрерывные бои с немецкими захватчиками, указанные части нанесли огромные потери фашистским войскам и своими сокрушительными ударами уничтожили живую силу и технику противника, беспощадно трюмили немецких захватчиков.
 - За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразованы:
 - 1) 17 казачий кавалерийский корпус в 4 Гвардейский казачий кавалерийский корпус — командир корпуса генерал-лейтенант Кириченко Н. Я.
 - 2) 12 кубанскую казачью кавалерийскую дивизию — в 9 Гвардейскую кубанскую казачью кавалерийскую дивизию — командир дивизии генерал-майор Тутарин И. В.
 - 3) 13 кубанскую казачью кавалерийскую дивизию — в 10 Гвардейскую кубанскую казачью кавалерийскую дивизию — командир дивизии генерал-майор Миллеров Б. С.
 - 4) 15 донскую казачью кавалерийскую дивизию — в 11 Гвардейскую донскую казачью кавалерийскую дивизию — командир дивизии генерал-майор Горшков С. И.
 - 5) 116 донскую казачью кавалерийскую дивизию — в 12 Гвардейскую донскую казачью кавалерийскую дивизию — командир дивизии генерал-майор Шарабурко Я. С.
 - 6) 149 минометный полк — в 149 Гвардейский минометный полк — командир полка майор Масловский В. Н.
 - 7) 267 отдельный конно-артиллерийский дивизион — во 2 Гвардейский отдельный конно-артиллерийский дивизион — командир дивизиона капитан Чекурда С. Т.
 - 8) 27 отдельный дивизион связи — в 27 Гвардейский отдельный дивизион связи — командир дивизиона майор Голки И. К.
- Преобразованным частям вручаются Гвардейские знамена.

Боевые будни казаков-гвардейцев

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 27 августа. (Спец. воен. корр. «Правды»). Отважно дюрется с врагом кавалеристы гвардейского корпуса, которым командует генерал-лейтенант тов. Кириченко. Казаки храбро сражаются за каждую ляд родной земли, стойко сдерживают натиск противника, контратакуют его и наносят большие потери.

В одном бою немцы фланговым обходом поставили в тяжелое положение нашу стрелковую часть. Казаки подружили задание ликвидировать вражескую группу. Конники врвались в расположение немцев, уничтожили около 400 солдат и офицеров и прорубили дорогу летчикам. В соседнем районе мотобатальон соединения завязал бой с другой группой противника и истребил до 600 гитлеровцев.

— Ни шагу назад! — стало боевым лозунгом кавалеристов. Юный артиллерист под командованием капитана Чекурда защитил переправу через реку. К ней пробирались значительное количество танков и автоматчиков противника. Конники в упор били по врагу. Зажигал кровопролитный бой. Немцы потянулись к переправе орудия и стали обстреливать батарею.

Артиллеристам-конникам пришлось драться и против танков, и против вражеской артиллерии; они не отступили. В бою были убиты три наших орудия, расчеты почти полностью погибли; оставшиеся в живых продолжали разить врага. Немцам не удалось прорваться, переправа осталась в наших руках. Потеряв 7 танков и много живой силы, враг вынужден был отойти.

Бойцы и командиры ежедневно дают примеры мужества и боевого упорства. Пулеметчику — пожилому казаву Андрею Егорову было приказано оборонять мост. Укрывшись в кустах, Егоров установил станковый пулемет и, когда немцы подошли к мосту выстрелом, открыл ураганный огонь. Упали, скошенные пулями, первые ряды, однако немцы продолжали лезть. Отважный пулеметчик послал очередь за очередь, уложил у моста до 70 солдат и не пропустил врага через реку.

Семь конных разведчиков под командованием тов. Недурובה вступили в бой с группой немецких автоматчиков. Снепшавшие, кавалеристы залегли и взялись за автоматы. Казаки сражались с остервенением, уничтожая немецких автоматчиков одного за другим. Ежели немца нельзя было взять огнем, в ход шли гранаты. Храбрым гранатометчиком поповал себя сам Недурובה. Он уничтожил несколько автоматчиков. Разведчики вытранили бой, истребив 60 немцев.

На днях на одно подразделение пала немецкий батальон, вооруженный автоматами, минометами и пулеметами. Вокруг высались горы, поросшие лесом. Работники штаба не дрогнули, прижали бой. Схватка в горах длилась четыре часа. Казаки не отступили ни на шаг. Организованно четкую оборону, кавалеристы обрушили на немцев лавину пулеметного и минометного огня. Немецкий батальон был разгромлен. На поле боя осталось 400 убитых солдат и офицеров. Захвачено множество орудия и др. разлютастипи.

Слава и честь красным казакам! Не шала сил и жизни, сражаются они с немецкими захватчиками, беспощадно уничтожают врага.

Я. МАКАРЕНКО.

ВОЛЧИЙ ПОРЯДОК ГИТЛЕРА

ЗУБЦОВ, 27 августа. (Спец. воен. корр. «Правды»). На стену еще тлеющего здания городской школы, служившей немцам складом сна и подожженной ими при отступлении, висит большой многокрасочный плакат. На нем изображен мордастый немецкий офицер, дюймовый австриец бооноити грееюким ребийтанкам. Прилгзаные старички, читающие газеты на садовой скамье на фоне Эйфелевой башни, и толстый старший немецкий солдат, раздающий лживой очереди истонченных польских женщин камыше-то кувалды. Подпись на плакате гласит: «Новый порядок, устанавливаемый немецкой армией в Европе».

Рядом с этим плакатом прикреплены бумажки помельше — официальные приказы зубцовского немецкого коменданта. Все они заканчиваются фразой: «за невыполнение — расстрел». Один приказ требовал выдачи коменданту всех коммунистов и советских активистов, «за сокрытие — расстрел». Другой — сдать имущество в распоряжении tedesco вой, «за утайку — расстрел». Третий — обязательно регистрировать скот и домашнюю птицу, «за укловнение — расстрел». Четвертый — регистрировать запасы муки, овощей и другого продовольствия, «за невыполнение — расстрел».

Расстрел! Так оканчивались все эти приказы. Так разговаривали гитлеровцы с населением оккупированных советских городов и сел. Так выглядят в действительности «новый гитлеровский порядок», который приносят в оккупированные страны бронированные немецкие людовики.

Зубцов — город, который мы освободили после почти 11-месячного немецкого хозяйничанья. Все это время город буржванно вымарал от голода. Сейчас на улицах его бродят какие-то живые скелеты, обгусты темной кожей. Иные, лаборот, опули от голода. Их лица напоминают высокие лица больших волчьих. Они еле переступают ногами, пошатываясь от ветра, как люди, только что вставшие после длительной и страшной болезни.

За одиннадцать страшных месяцев немецкой оккупации эти люди разучились жить. С их лиц не сойдет весуги. Они говорят полупотомом, истинново складывалась по сторонам. Боец дал согбенной

Б. ПОЛЕНОВ.

Артиллерийское наступление

(от специального военного корреспондента «Правды»)

В сильном часу утра или точнее — в пять часов вечера пятнадцатый мигнут раздался долгожданный пушечный выстрел, возвестивший о начале артиллерийского наступления, о начале наступательных операций наших войск. Эта минута была долгожданной, потому что люди дни и ночи готовились к ней, ждали только его и думали о ней, как о самом важном и значительном во всей жизни на фронте.

За пушечным выстрелом последовал другой, отдаленный, словно это был не выстрел, а только эхо, отзвук первого. Потом вступили в действие дальноточные орудия, стоявшие позади наших легких и тяжелых войск, подошедших уже к исходным позициям. Над землей, над лесами, над узенькой рекой возмущались тысячи снарядов, заговорил громкий, но ясный и тошный и мучитель, страшный и уничтожающий язык артиллерии.

Человеку, наблюдающему действие этой батареи, порой кажется удивительным, с какой точностью совпадают залпы орудий, раскинутых на большой площади. Будто есть где-то единый и повисший дирижер, цей вымах полочны направляет энергию командира этой батареи, Героя Советского Союза, старшего лейтенанта Павла Лаптева или волю ближайшего орудийного расчета — наводчика Михаила Красновского, заряжающего Василия Кириллова, установившего трубки Александра Бедикова и ящичного Ивана Вельико.

Теперь жизнь этих молодых людей целью поднята одной мысли: понасть в немец. Впрочем, об этом уже позаботился командир батареи Павел Лаптев. Он сам занял в боевую разведку, сам поспытывал и намечал на карте огневые гнезда врага, нарисовав своеобразную схему расположения близлежащих к немцев с точным указанием их наименования, вероятной крепости, предполагаемые вражеские линии связи. Все замерял, рассчитал, продумал. Жизнь немецкой обороны тянулась на опушке леса, выходила к оврагу, пересекала его, затем спускалась к низине и снова выдала в лес, потак перерезала холмики, где были построены укрепленные гнезда. Лаптев знал об этом, по большому всею он изучил тот ключок земли, который лежал перед ним, ключок оврага, на краю которого вышки были проволочные заграждения. За ними были немецкие блиндажи, немецкие орудия, минометы, пулеметы, хорошо сооруженные укрепления, крепкие брезентовые наматы, а местами и большие амбразуры. Теперь все это предстояло подвинуть, уничтожить, снести с землей.

Ночью полагали в проволочном заграждении наши пехотинцы. Они легли здесь и ждали, притаившись, той минуты, когда раздался пушечный выстрел и наша артиллерия начнет наступать, сокрушая все впереди. А там был «он», как бойцы называют немцев. «Он» там оказался, укрепил, поворот нашу землю, чинит расправу над советскими людьми. И все не чувствовался ни холода почти, ни влажности травы, ни той предстоящей опасности, которую несет с собой каждая атака, — у всего была одна мысль: понасть в немца, убить его!

И тысячи людей готовились к этому. Не только артиллеристы и пехотинцы, но и летчики, и танкисты, и саперы, и повара, и подвозчики снарядов, и те отряды, которые гнали ботага в лес, чтобы обеспечить проезд автомобилей. Тысячи людей вкладывали в предстоящее наступление свою туду, свою волю, свою энергию, свою страсть и бесопный почт, и нетерпение: поскорей бы началось...

И вот наступление началось в пять часов пятнадцатый мигнут утра. В действие вступили пушки по разрабатываемую графику артиллерийского наступления. Каждое орудие, каждая батарея знали каждую минуту свою цель, свою задачу, готовились к ним. Четыре раза проверялись эти цели для всех батарей.

Артиллерийское наступление готовилось с величайшей тщательностью, точностью и организованностью. Да, организация — вот владыка боя, великий и всемогущий владыка, направляющий труд тысяч людей, боевое человеческое сердце и глоток моторов, огонь орудий и неутомимую жажду тыла. Вот почему девятую минут артиллерийского наступления дали такую впечатляющую результат. На всех орудиях знали, так же, как и Павел Лаптева, что до двадцати минут все будет по огневым гнездам врага. Девятую минут наша артиллерия вырвалась, уничтожила орудия, минометы и пулеметы врага вместе с теми, кто сидел около них, или снал, или только кто присутствовал, или пил чай, или готовился ко сну.

На двадцать первой минуте наша артиллерия перенесла свой огонь на штабы немцев. Они все были разведаны, нанесены на карту и прокорректированы. И при свете полнотемного солнца можно было наблюдать, как опрометью бежали из деревенок и блиндажей погужающиеся офицеры штабов. На тридцатой минуте наша артиллерия начала громить врага — залпы телеграфной и телефонной связи, радиостанции, линии проводов (и они были разрезаны и занесены на карту).

Затем — страшный массированный удар по коммуникациям, по дорогам, по тылам. Это вступили наши дальноточные орудия.

И последние двадцать минут! Вся артиллерия вновь обрушила свой огонь на передний край немецкой обороны, на укрепления, на блиндажи. Только на девятую минуте уюок последний орудийный залп с батареи старшего лейтенанта Павла Лаптева, и наступили секунды страшной тишины, какая, очевидно, бывает после долгого землетрясения и все разрушающих взрываний вулкана.

То тишину эту нарушили наши самолеты. Сотни бомбардировщиков и истребители поднялись в воздух, чтобы завершить то, что начала артиллерия. Над авиациям пришлось перенести свой удар на вторую линию обороны, потому что передний край был уже разорочен, взры-

Западный фронт.